

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
СВЕЧИН

Банда

Кольки-куна

МОСКВА

2 0 2 4

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Банда Кольки-куна / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-194677-7

1905 год, Русско-японская война подходит к концу, а в России назревает революция. Японская разведка подготовила из пленных поляков своих агентов и вернула их на родину вместе с другими военнопленными. Об этом стало известно Департаменту полиции. Лыкову вместе с жандармами поручено выявить и арестовать шпионов. В ходе дознания он узнает о группе бывших солдат, объединившихся для борьбы с царизмом. Их вождем является рядовой Николай Куницын, получивший в плену кличку Колька-кун. Харизматичная личность, бесстрашный, много повидавший, он избрал собственную модель государства, где править станут крестьяне. Идея увлекает многих, и поймать такого человека трудно — люди помогают ему скрываться от полиции. Лыков начинает поиски и быстро выясняет, что бывшие пленные ему симпатичны и он не хочет сажать их в тюрьму...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194677-7

ГЛАВА 1

ВЕСТОЧКА С ВОСТОКА

Лыков ходил по тихой, опустевшей квартире на Моховой. Ходил бесцельно: мебель была уже вывезена и большей частью продана, вещи раздали кому попало. С тех пор как сыщик овдовел, жить в прежних хоромах ему стало невмоготу. Варенька умерла, дети разъехались... Исчезли горничные, сделались офицерами лихие юнкера, друзья сыновей. Жизнь ушла из огромной, прежде шумной и веселой квартиры. Коллежский советник, немного обвыкнув, начал искать жильё попроще. Обвык — это так лишь говорится. Как можно привыкнуть к тому, что ты теперь один? Да, Шурочка в Париже нянчит его, Лыкова, внучку. И два подпоручика служат в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. Письмами, стервецы, папашу не балуют. А будто сам он в их годы много думал о родителях? Чего теперь обижаться. Им жить, а ему стареть...

Неделю назад сыщик нашел себе небольшую четырехкомнатную квартиру в новом доме на

Стремянной улице. Одна комната предназначалась для кухарки Нины Никитичны. Пожилая аккуратная женщина нянчила еще близнецов, когда те под стол пешком ходили. Сейчас она осталась при Лыкове вести его немудреное хозяйство. Сыновья вступили наконец-то во владение заповедным имением в Костромской губернии. Но прежние порядки сохранили. Титус все так же хозяйствовал, советуясь с собственниками по важным вопросам. Доходы шли в равных долях двум подпоручикам и одной парижанке. Еще десять тысяч в год получал Алексей Николаевич — сыновья настояли. Одинокому человеку, да при полковничьем жалованье, этого хватало за глаза. Овдовев, сыщик еще больше погрузился в вопросы службы. Других интересов уже и не осталось. А служба становилась все труднее, все опаснее. На календаре был май 1905-го. В стране творилось черт знает что...

Лыков сложил в портфель фотографии и письма, те, что еще не перевезли на Стремянную, и собрался уходить. Скоро сюда въедут новые жильцы; прощай, Моховая... Вдруг в дверь позвонили. Не иначе, швейцар принес почту. Нина Никитична жила уже по новому адресу, и Лыков пошел открывать сам.

К его удивлению, в дверях стоял молодой артиллерийский капитан, совершенно сыщику незнакомый. Капитан был строен и красив осо-

бой восточной красотой. Лыков прошлым летом изъездил вдоль и поперек весь Кавказ и сразу понял, что перед ним бакинский татарин¹. Зачем ему понадобился питерец? Наверное, какое-то эхо неприятной истории с тифлисским казначейством. Сыщик разорил его в ту командировку, накрыв с поличным шайку мошенников. В аферах участвовали высшие чины кавказской администрации, тифлисские бандиты и горские абреки². Лыков едва выжил в мясорубке, в которую неожиданно вылилось его дознание. И не хотел теперь вспоминать страшных минут.

Капитан и сыщик какое-то время разглядывали друг друга, потом артиллерист спросил:

— Простите, я не ошибся? Мне нужен Алексей Николаевич Лыков.

— Да, это я. — Питерец посторонился, впуская гостя. — С кем имею честь? Вы не из Тифлиса?

Татарин засмеялся:

— Нет, я из японского плена. Одиннадцатого мая, два дня назад, сошел с парохода в Одессе. И прямо к вам.

Лишь тут Лыков заметил, что капитан прячет за спиной палку. И сапоги на нем особенные:

¹ *Бакинский татарин* — азербайджанец. (Здесь и далее примеч. автора.)

² См. книгу «Тифлис 1904».

один форменный, а второй синего сукна, ортопедический.

— Из японского плена? Ах, видимо, вас отпустили по ранению? — сообразил Алексей Николаевич.

— Именно.

— Так вы артураец!¹ Проходите, присаживайтесь. Это большая честь для меня — принимать вас. Мебель вывезли, но вон там осталась пара стульев.

Артиллерист снял потертую шинель, аккуратно поместил на вешалке. Рядом пристроил шашку с анненским темляком. Потом, заметно прихрамывая, прошел в зал и сел. Вытянул раненую ногу, потер ее машинально, но перехватил взгляд хозяина и тут же отдернул руку:

— А, уже почти зажило.

Лыков вспомнил, что писали на днях газеты. В Одессу приплыл пароход «Инкула». На нем вернулось на родину около трехсот офицеров и солдат из плененного гарнизона Порт-Артура. Нижние чины все были после ранения, и японцы отпустили их домой будто бы из человеколюбия. На самом деле, конечно, не хотели кормить и лечить, но люди все равно радовались, оказавшись дома. Офицеры же, в отличие от солдат, должны были дать слово, что не примут участия в продолжающейся войне. И те из

¹ *Артураец* — участник обороны Порт-Артура.

них, кто счел возможным так поступить, тоже прибыли на «Инкуле». Тем более что государь особой телеграммой разрешил это.

Алексей Николаевич наконец внимательно рассмотрел незнакомца, проникаясь к нему уважением. Артурцы дрались храбро, многие из них погибли. Выжившие попали в плен по решению коменданта крепости генерала Стесселя, тут не было их вины. И бесчестия тоже не было. На шее капитана красовалась Анна второй степени с мечами, а на кителе — Владимир четвертой степени с мечами и бантом. Боевой офицер, и пролил кровь... Колено вон до сих пор не гнется...

— Так вы с «Инкулы»? Дали слово, и вас отпустили?

— А вот и нет! — рассмеялся офицер, показав испорченные скорбутом¹ зубы. — Слова никакого им не давал. Вот еще! Я хочу вернуть должок этим самонадеянным японцам.

Но перехватил взгляд хозяина, виновато ойкнул и закрыл рот рукой:

— Пугаю всех своим видом, извините. Там плохо было насчет довольствия. Все болели цингой, даже офицеры. Японский доктор прописал мне лимоны-апельсины. Два месяца плыл на пароходе, кушал-кушал эти лимоны... А до сих пор не прошло.

¹ *Скорбут* — цинга, которой особенно страдали участники обороны Порт-Артура.

— Как же тогда вас отпустили, если вы слова не давали?

— Ранение помогло, — пояснил капитан. — Нога была в таком состоянии... Ихние врачи смотрели-смотрели, да и руками развели. Сказали, раньше чем через полгода ходить не смогу, не то что воевать. А микадо велел к этому времени уже закончить кампанию. Ну и сми... как это?

— Смилоствивились?

— Вот! — опять засмеялся артиллерист. — Извините, немножко нехорошо говорю по-русски.

— Зато хорошо воюете, судя по наградам, — улыбнулся в ответ Лыков. Незнакомец нравился ему все больше. — Так, значит, опять в Маньчжурию? Ведь если обязательств вы никаких не дали, то и препятствий к этому нет?

— Препятствие — вот оно. — Капитан похлопал себя палкой по суконному сапогу. — Еще не зажило, собака. Генерал-инспектор артиллерии может не отпустить. Оставит долеживаться — а там и война тью-тью. Сейчас я должен сначала представиться государю. Попрошу его разрешить на фронт через голову великого князя¹. Вдруг получится? Как считаете, Алексей Николаевич? Государь соблаговолил

¹ Великий князь Сергей Михайлович — генерал-инспектор артиллерии.

наградить меня Георгиевским крестом. Имею я право на просьбу вернуться в Маньчжурскую армию?

— Так вы к тому же и георгиевский кавалер?

— Крест пока не купил, — смутился капитан. — А у вас ведь солдатский, еще с турецкой войны?

— Откуда вам это известно? — поразился Лыков.

Гость сразу посерьезнел:

— Позвольте наконец представиться: Али Ага Шихлинский, командир полубатарей Забайкальского артиллерийского дивизиона. У меня для вас письмо. Секретное. Из Цинтау¹.

Алексей Николаевич вскочил в сильном волнении:

— Из Цинтау?

— Точно так.

— Вы видели его?

— Как же иначе я мог получить письмо? — усмехнулся Шихлинский.

В прошлом году перед отъездом на войну барон Таубе открыл Лыкову важный секрет. Пятнадцать лет назад друзья вместе приплыли на Сахалин. Военное министерство внедряло особо секретного агента, будущего резидента

¹ Впоследствии вошло в обиход другое название — Циндао, но в 1905 году говорили и писали так.

по Германии. Сложным путем, через побег с сахалинской каторги и многолетнее оседание на Дальнем Востоке, человек должен был создать убедительную легенду. Такую, чтобы немецкая разведка не подкопалась. Этим агентом был Федор Ратманов по кличке Буффаленок, сын давно погибшего друга Алексея Николаевича¹. Под видом мошенника Фридриха Гезе он будто бы собирался начать новую жизнь. А именно — из беглого каторжника вырасти в почтенного торговца и уважаемого человека. Германские негодянты в далеких колониях отличаются особой спайкой. Там у них свои клубы, куда нет ходу посторонним; любовь к Фатерланду возведена в обязанность. И любой из них беспрекословно выполнит тайное поручение военного флота, который рыскает по всей Океании в поисках новых баз. Хороший способ проникнуть в разведку — стать ее мелким, но проверенным помощником. А потом, уже с репутацией и капиталами, перебраться в Германию. Так вот, по словам Таубе, Фридрих Гезе поселился в Цинтау! Его вращение в среду завершено: он свой человек в этой колонии, богат, успешен и на хорошем счету у военных. Еще несколько лет, и Гезе сможет репатриироваться.

Цинтау — порт на южном берегу полуострова Лаошань в провинции Шень-Дун — был

¹ См. книгу «Мертвый остров».

отобран немцами у Китая в 1897 году. Поводом, как всегда, послужило убийство пары миссионеров. На самом деле место для военно-морской базы выбрал сам начальник Тихоокеанской эскадры Альфред фон Тирпиц. Поблизости было много высококачественного угля, что важно для крейсеров. Под дулами их орудий Китай вынужден был передать германцам в аренду на девяносто девять лет бухту Киао-Чусоу¹ с поселком Цинтау и пятидесятикилометровую зону вокруг. Немцы очень быстро превратили поселок в первоклассный порт с судоремонтными мастерскими, складочным местом эскадры и огромными торговыми оборотами. Известно, что у колбасников армия и торгово-промышленный капитал всегда идут рука об руку. И вот теперь письмо оттуда, переданное с оказией. Это может быть только послание Буффаленка!

Коллежскому советнику очень хотелось вскрыть конверт. Но он понимал, что делать это надо в присутствии Таубе. А у барона появятся вопросы. И сыщик решил сначала получить на них ответы.

— А как вы попали в Цинтау, Али Ага... Простите, как вас по отчеству?

— Полностью меня зовут Али Ага Хаджи Исмаилбек-оглы, — опять рассмеялся капи-

¹ Современное название — бухта Цзяочжоувань.

тан; видимо, он был весельчак. — Товарищи обращаются Али Ага. Валяйте и вы так же. А в Цинтау нас, раненых и увечных, привезли сразу после освобождения из плена. Мы провели там месяц в ожидании парохода. Нижние чины помещались в лагерных бараках, а мы, офицеры, — в гостиницах. С удобствами, как полагается... Гуляли по городу, у кого ноги ходят, развлекались. Когда еще попадешь в такое место?

— Понял. Там и познакомились... с господином Гезе?

Лыков с запинкой выговорил новое имя Буффаленка. Шихлинский заметил это и пояснил:

— С Гезе, или как там его на самом деле, мы познакомились в первую же неделю. Катались вместе на шампуньке...

— На чем, простите? — опешил сыщик.

— На шампуньке. Это обывательская шлюпка так у них называется. Правят ею китайцы, возят туристов по бухте. Ну, мы оказались с... на одной посудине. Он все присматривался ко мне. Я сразу почуял — германцу что-то надо. И по-русски говорит лучше меня! Потом он пригласил меня в ресторан. Еще неделю мы встречались словно бы невзначай. И вот однажды, после биргалле, Гезе позвал к себе в гости. У него хороший особняк на берегу, у подножия горы Ильтис.

— Вас одного?

— Да, мы всегда общались без посторонних.
— И там, дома, он вручил вам это письмо?
— Два письма, — удивил Алексея Николаевича Шихлинский. И тут же пояснил: — Одно, он прямо заявил, для отвода глаз. Если германцы заметят наши встречи и захотят обыскать мои вещи. Там адресатом какой-то воспитатель приюта здесь, в Петербурге. В нем Гезе воспитывался с детства — так сказал, да. Будто бы ему, по старой памяти, негоциант и написал. А настоящий пакет, вот этот, он просил всегда носить при себе. И ни при каких обстоятельствах не оставлять в гостинице. А как приеду в столицу, сразу вручить его вам.

У Лыкова уже кончалось терпение. Хотелось скорее узнать, что в конверте. Но нужно было сначала проститься с неожиданным гостем. А тот не спешил уходить. Он мялся-мялся, потом сказал:

— Алексей Николаевич... Гезе, или кто он там на самом деле, кое-что рассказал о вас. Про Георгиевский крест и не только... Я знаю, что вы служите в полиции. Что у вас друзья в разведочной службе Военного министерства.

Сыщик заерзал.

— Гезе доверился мне потому, что деваться было некуда, — вступился за Буффаленка капитан. — И ордена мои сыграли роль. Так вот, про вас. Понимаете, я никого здесь не знаю. А мне нужен совет. Спросить некого, а вы георгиев-

ский кавалер, и видно, что человек достойный. Выскажите свое мнение, и я уйду. Понимаю, как вам не терпится заглянуть в бумаги.

— Я весь внимание, уважаемый Али Ага. Но что у вас за вопрос?

— Он моральный, вот какой вопрос. Как быть, не знаю. Вы старше вдвое, у нас на Кавказе старших очень уважают, да. Вот что хочу спросить. Помните, я говорил, что буду представляться государю?

— Да. Он в обязательном порядке принимает всех офицеров — участников обороны Порт-Артура.

— Я знаю, — кивнул Шихлинский. — И увидеть Его Величество — большая честь. Однако мои товарищи там, в плену... Вся их вина в том, что они не ранены, как я. И отказались дать подписку японцам, что не станут впредь воевать с ними. В нашей бригаде все отвергли, как один человек, и сидят там сейчас, бедные, горюют. А я — к государю!

— Ну и что? — не понял вопроса коллежский советник. — В чем же ваша вина, если вы попали под пулю?

— Под осадную шрапнель я попал, а не под пулю, — поправил собеседника Шихлинский и взволнованно продолжил: — Ну как же вы не понимаете? Мои товарищи достойны чести беседовать с государем не меньше меня! Но пока лишены ее. Чем же я лучше их? Только тем, что

ранен? Вот кончится война, они вернутся, тогда все вместе к нему и пойдём!

Лыков всегда любил кавказцев за их особые представления о чести. То, что для коренного русака кажется в порядке вещей, для горцев выглядит иначе. И сейчас капитан с негнушейся ногой и цинготными деснами стесняется представляться императору! Потому лишь, что его боевые товарищи не могут пойти с ним. Он готов ждать их возвращения из плена. Хотя беседа с самодержцем — несбыточная мечта любого офицера...

— Не знаю, что вам посоветовать, — обескураженно ответил хозяин гостю. — И так и эдак можно поглядеть. Государь — очень занятой человек, когда еще будет такая возможность?

— А как бы вы сами поступили на моем месте?

— Я?

Лыков надолго задумался, а потом честно ответил:

— Я бы дождался товарищей. Извините, если вы желали услышать другое.

Но Шихлинский посветлел лицом, крепко пожал сыщику руку и сказал:

— Вот и я подожду. Рад получить поддержку своим мыслям¹.

¹ Али Ага Шихлинский так и не пошел в тот раз представляться государю. Он сделал это лишь 26 ноября 1905 года, на приеме для георгиевских кавалеров.

Мужчины простились по-дружески. Алексей Николаевич еще раз поблагодарил артурца за доставку письма. И попросил сохранить всю историю в тайне.

Едва дверь за капитаном захлопнулась, Лыков разорвал конверт. Не удержался, хотя следовало передать его Таубе невскрытым. Внутри оказался другой пакет, запечатанный сургучом. Сыщик дрожащими от нетерпения руками взломал его и вытряхнул на стол несколько густо исписанных листов. Взял верхний и прочитал: «Дорогой Алексей Николаевич! Это я. Понимаю, что нарушил все правила и получу сами знаете от кого взбучку. Но не мог упустить такую возможность. Капитан — человек надежный. А тут такие дела...»

Дальше он читать не стал и подбежал к телефону. Крутанул ручку, велел барышне соединить его с номером, который помнил наизусть. Когда в трубке раздался голос генерал-майора Таубе, сказал:

— Тут Лыков. Надо срочно встретиться.

— Привет, Алексей. Срочно не могу, у меня через час лекция по военной статистике.

Вернувшись из Маньчжурии без руки, Таубе с трудом добился, чтобы его оставили в строю. Назначенный преподавателем Николаевской академии¹, он относился к своим новым обязанностям очень серьезно. Вдруг придерутся

¹ Академия Генерального штаба.

к чему-нибудь и выгонят из армии? Лыков понимал это и не решился спорить.

— Хорошо. Когда ты освободишься?

— В шесть выйду из аудитории, в семь окажусь дома.

— Я буду ждать тебя там!

ГЛАВА 2 ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Таубе жили на Выборгской стороне, в непрестижном Нейшлотском переулке. Место отдаленное и малоустроенное, зато квартиры дешевые. Генеральского жалованья Виктора Рейнгольдовича едва хватало на более-менее сносную жизнь на окраине столицы. Несколько лет назад он получил по наследству два имения в Лифляндии, продал их и купил целый этаж в небольшом деревянном доме. Средств, полученных от продажи, не хватило, и Таубе занял дополнительно у богатого товарища. И теперь отдавал Лыкову по пятьдесят рублей в месяц. Получалось все равно дешевле, чем снимать квартиру, а главное — собственное жилье!

Барон появился, как и обещал, в семь пополудни. Сбросил шинель со вдетым в карман левым рукавом. Китель был подобран таким же образом. Хорошо хоть пострадала не правая рука! Иначе пришлось бы долго переучиваться, а так еще куда ни шло.

Таубе вернулся с войны калекой, но получил за службу лишь Владимира третьей степени с мечами. Не повезло. Он начал воевать во главе дивизии, а потом сдал ее, перейдя начальником штаба в Третий Сибирский армейский корпус к генералу Иванову. А там уже через неделю угодил под шимозу. В результате барона посчитали чужим на прежнем месте, и на новом он не успел прижиться. Николай Иудович¹ украсился орденами и золотым оружием, а однорукого барона прокатили с ветерком. Чудом потом вспомнили и бросили крестик...

— Ну, что там у тебя? — спросил Виктор Рейнгольдович гостя, торопливо целуя жену и дочку.

— Ахнешь, — пообещал сыщик, дожидаясь, пока те уйдут из комнаты.

— Что за тайны мадридского двора?

Генерал-майор был чем-то недоволен. Семья почувствовала это и быстренько скрылась во внутренних комнатах. Лидия Павловна успела рассказать сыщику, что это теперь обычное состояние мужа. Виктор Рейнгольдович вернулся из Маньчжурии не только без руки, но и с расстроенными нервами. Совсем не так представлял он возможности русской армии! Отдал ей всю жизнь, а она теперь бездарно погибала за лесные концессии для кучки негодя-

¹ Генерал Иванов.